

ГОСТИ СТОЛИЧНОЙ СЦЕНЫ

ОЛИВЬЕ —
ОТЕЛЛО

В ПЕРВЫЕ он появляется на сцене с цветком в руке. Могучий, легко шагающий смуглый человек. Сколько лет ему сейчас — двадцать, тридцать?.. Пока перед нами «Отелло» в образе Ромео». Счастье долгожданной встречи с любимой, удивление: «Неужели это свершилось?!» — вот что открывается за короткие минуты первой сцены спектакля «Отелло» в постановке Национального театра Великобритании. Главную роль исполняет Лоренс Оливье.

58 лет замечательного мастера английского и мирового театра — возраст творческой зрелости. Чем стала для актера роль Отелло? Возможностью поделиться со зрителем мудрой трагической горечью Шекспира, попыткой открыть философские основы эпохи Возрождения? Пожалуй, нет. Оливье больше интересует моральная сторона проблемы. Какие силы вызвали крушение столь вдохновенного человеческого духа?

«...Черен я!» — вот основной лейтмотив образа. Оливье играет расовую трагедию африканца. Много лет живет он в атмосфере беспримерного унижения. Ум, личная храбрость, высокое чувство собственного достоинства смогли сделать почти невозможное — принести ему звание генерала Венеции, но не смогли сломить предубежденность и презрение к цвету его кожи.

В глаза и за глаза о нем говорят: «Черномазые обаятия страшилища», «Власть возьмут рабы и басурманы» (сенатор Брабанцио), присвоили насмешливый титул «Смуглейший» (Яго). Даже ничтожный Родриго, и тот позволяет себе съехидничать: «Как все-таки удачлив толстогубий».

Оливье был бы плохим актером, если бы играл только страдание. Он создает характер наивный и цельный, резко контрастирующий с окружающим его миром. Наивна исповедь Отелло во Дворце дождей. У Шекспира она трогает сердце сенаторов, в спектакле Национального театра те настроены цинично. Только расправиться с нарушителем законов общества нельзя. Яго правильно замечает: «Он поставлен к штурвалу в эту Кипрскую войну, ...другого, такой осадки, им не подыскать».

Отелло в глубине души боится поверить в любовь прекрасной белой женщины. Встретив очень близкий себе характер — тоже наивный и цельный, он не решается осознать реальность происходящего: все кажется, что прозрачное видение рассеется, как дым. Что дальше — опять стать «мышью для глумящегося мира»? И хотя в следующих словах монолога он замечает, что это «легко бы снес», на практике

происходит обратное. Семена, брошенные Яго, попадают на благодатную почву. Правда, мыслят генерал и его хорунжий совсем в разных измерениях. Один озабочен тем, чтобы пробудить самые темные инстинкты личности. Другой в отчаянии: «Черен я!». Изменили не правителю Кипра, изменили чужеродному пасынку Венеции.

Трактовка, пожалуй, неожиданная. С ней можно полемизировать. Своеобразная полемика ведь всегда заключается в разных актерских решениях. Вспомним хотя бы Отелло — Николая Мордвинова — философа, мыслителя, творца, вспомним Отелло — Сергея Бондарчука — ласкового, обаятельного человека, который весь светится любовью к Дездемоне. Но правомерность такой трактовки не вызывает сомнений. Современность ее — тем более.

...Темна, настороженна обстановка в совете сенаторов. Роскошные, яркие костюмы членов совета наглядно гармонируют с простой, непринужденно сидящей одеждой Отелло. Гнетущая атмосфера жизни, быта хозяев каменных стен — как подчеркнута она здесь Оливье — актером и Джоном Декстером — постановщиком.

На Кипре сначала кажется светлее — солнцем, ядреной желтизной отливают море. Однако блестяще задуманная и поставленная сцена нападения на Кассию становится своеобразной иллюстрацией идейного замысла спектакля: мрак из символа превращается в зловещую реальность. Где-то в темноте скрещиваются клинки, лишь по мечущимся пятнам фонарей и отрывистым голосам можно угадать

события. Проходят секунды, вспыхивает свет, но ощущение гнетущей темноты остается до конца.

Остается оно и тогда, когда Отелло бьется в припадке на полу. Яго, взяв кинжал обессиленного генерала, вкладывает его тому в зубы. Жест заботы о больном, закономерный для любого другого человека, трактуется опять как символ. Яго как будто вонзает кинжал.

Пожалуй, Оливье здесь даже излишне пользуется натуралистическими деталями, но факт остается фактом: боль душевная выливается в боль физическую. Отелло душит Дездемону, задыхаясь от гнева, от ненависти. Кожа на его лице становится словно еще темнее.

Зато потом — в финале, до последнего гордого движения кинжалом, он будто светлеет. Горе перемежается с чувством облегчения. Значит, напрасными были сомнения. Значит, можно и нужно мечтать о лучшем.

Очень трудно делать открытие в устоявшемся. Десятки и сотни исполнителей роли Отелло забыты. Остались единицы, поднявшие свое актерское мышление до шекспировской глубины. Мы закономерно гордимся, что среди них выдающиеся мастера нашего театра — Остужев, Хорава, Тхапсаев, Мордвинов. Принимая сегодня Лоренса Оливье, сопоставляя его работу с критериями, поистине выдающимися, приходишь к выводу: его Отелло — несомненно явление незаурядное.

Р. ПОСПЕЛОВ.

На снимке: Отелло — Л. Оливье, Дездемона — Б. Уайтлоу.